

A black and white portrait of a middle-aged man with glasses, wearing a suit and tie. He is looking directly at the camera with a serious expression. The background is a soft, cloudy grey.

**Федор
Грачев**

МОЯ ВОЙНА

**Военный госпиталь
в блокадном Ленинграде**

Федор Федорович Грачев

Военный госпиталь в блокадном Ленинграде

Серия «Моя война»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39153434

*Военный госпиталь в блокадном Ленинграде / Федор Грачев: Алгоритм;
Москва; 2018*

ISBN 978-5-907120-04-4

Аннотация

Военный врач, хирург Ф. Ф. Грачев в годы войны работал в госпитале в блокадном Ленинграде и оставил уникальные воспоминания, занимающие особое место среди книг о блокаде. Мемуары Грачева предельно правдивы, в них показаны невероятные условия, в которых жили и работали люди в осажденном Ленинграде. Особое место уделяется деятельности самого госпиталя, проблемам не только медицинского, но и сугубо житейского характера, часто имеющим критическое значение в обстановке страшного голода, бомбежек, артобстрелов. Говоря о раненых, автор книги показывает целую галерею защитников Ленинграда – солдат, офицеров, моряков, добровольцев из числа ученых, студентов, литераторов. Примечательно, что именно в этом госпитале лечился после

ранения знаменитый впоследствии советский писатель Федор Абрамов.

Содержание

Назначение в госпиталь	5
Первые раненые	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Федор Грачев

Военный госпиталь в блокадном Ленинграде

Назначение в госпиталь

Двенадцатого сентября сорок первого года дороги войны привели меня в Военно-санитарное управление Ленинградского фронта. У дверей кабинета начальника отдела кадров толпились врачи.

С поля боя в Ленинград непрерывно поступали раненые, но эвакуация в глубь страны прекратилась. Захватив станцию Мга, войска противника перерезали последнюю железную дорогу, связывавшую Ленинград со страной. Военный совет фронта постановил организовать дополнительную сеть военных госпиталей почти на двадцать тысяч коек. Срок выполнения приказа – шесть дней. Вот почему у начальника отдела кадров толпились сейчас врачи различных специальностей. Они ждали назначений в госпитали.

Военно-санитарное управление фронта я покинул с предписанием «явиться в эвакуационный госпиталь, где начальником товарищ С. А. Ягунов».

Я шел по Невскому.

На проспекте прохожих больше, чем всегда. Это и понятно. В Ленинграде скопилось много беженцев. Из Прибалтики, Пскова, Луги, с Карельского перешейка, из пригородных районов. Все прохожие с противогазами. Много военных.

Город под угрозой уличных боев: гитлеровцы в Гатчине, Пушкине, Красном Селе, у Колпина, Петергофа. Идут упорные бои за Пулковскую высоту – ключевую позицию ленинградской обороны.

Время от времени патрули останавливают прохожих, проверяют документы. У домов – дежурные с красными повязками на рукавах.

Сады, парки, скверы изрезаны щелями. Памятники укрыты песком, обшиты тесом. Витрины магазинов – тоже. Стены домов заполнены воззваниями и плакатами: «Ни шагу назад!», «Отстоим Ленинград!».

Слышен гул артиллерийской канонады. Бои на ближних подступах – гитлеровцы продолжают наступление на Ленинград.

Мне надо на Васильевский. Зимний дворец и здание Главного штаба камуфлированы. На крыше Главного штаба стоят зенитные пулеметы.

У гранитных берегов Невы – корабли Краснознаменного Балтийского флота. От воздушного наблюдения они замаскированы окраской и сливаются с фоном зданий набережной.

Справа от Дворцового моста – теплоход «Андрей Жда-

нов». Ох как екнуло сердце! До войны плавал на нем. Очень хочется забежать, увидеть друзей. Но увы! В предписании сказано: «Явиться в госпиталь в двенадцать ноль-ноль». Нельзя опоздать ни на минуту.

Под мостом – темно-зеленые воды Невы. Ветер по-осеннему резок. Низкие тучи. Накапывает нудный, мелкий дождь. Сыро. День пасмурный, хмурый. Прохладно, тоскливо...

У главного подъезда университета много студентов. Блещит мокрый асфальт, золотится набережная опавшими листьями. Я свернул направо. Дойдя до конца Менделеевской линии, увидел большое голубоватое трехэтажное здание – исторический факультет Ленинградского университета. Из здания выносили шкафы, столы, книги. Худощавый, лет за пятьдесят мужчина в синем комбинезоне и парусиновом переднике тащил кипу книг. Я подошел к нему:

– Где можно видеть начальника госпиталя?

– Госпиталя еще нет, а Ягунов – вон там. Усатый.

У настежь открытой двери – широкоплечий военный невысокого роста, с паяльной лампой в руках. Он в сером запыленном макинтоше и – слегка сдвинутой на затылок пилотке. Округлое, одутловатое лицо, мясистый, приплюснутый нос, пушистые усы.

Рядом с Ягуновым седой человек. Хмурый и флегматичный, как мне показалось.

Начальник пробежал глазами предписание:

– Очень хорошо! Комиссар, нашему полку прибыло. – Он

повернулся к соседу.

– Вижу.

– Зарегистрируйтесь в пятой аудитории, у начальника медицинской части профессора Долина. И немедленно прокаливать кровати! – Ягунов протянул мне паяльную лампу.

– А как это делать? – растерянно спросил я. – Мне не приходилось...

Ягунов резко прервал:

– Вас когда-нибудь кусали клопы?

– Случалось.

– Какие были эмоции?

– Неважные...

– Оч-чень хорошо! В восемнадцать ноль-ноль, – посмотрел на часы Ягунов, – доложите о результатах. Ясно?

– Вполне.

– Действуйте!

Так, с паяльной лампой в руках я поднялся на третий этаж. С трудом отыскал пятую аудиторию. В дверях меня встретил странный для этой обстановки человек. В сером клетчатом костюме, коричневых крагах, начищенных до блеска, он напоминал иностранного туриста.

– Вам кого? – строго спросил незнакомец, поблескивая очками.

– Приказано зарегистрироваться у начальника медицинской части профессора Долина.

– Долин – я. – Он покосился на мою паяльную лампу и

быстро прочел предписание. – Хорошо. Вы зачисляетесь ординатором пятого медицинского отделения. Как только закончите войну с клопами – сразу на отделение! Работы – уйма! Кратенько, в двух словах, наша задача состоит в том, чтобы...

Это «кратенько, в двух словах» продолжалось минут десять. Потом со студентами и женщинами из соседних домов я пошел прокаливать кровати.

В самый разгар работы что-то случилось с моей паяльной лампой. Она перестала действовать. Многие смотрели, крутили, вертели, но безуспешно.

– Спуститесь во двор, – посоветовал мне кто-то, – там есть слесарь, кажется, Голубев.

Голубевым оказался тот самый человек, которого я встретил недавно около госпиталя с кипой книг.

– Тебе что? – грубовато спросил он.

– Да вот... лампа...

– Дай-ка сюда, посмотрим...

Через пять минут все было в порядке.

– Лучше прежнего будет работать. Ручаюсь! – сказал Голубев.

– Вы кем здесь?

– Дворником. Голубев моя фамилия. Семен Ильич. А зовут попросту – Семеныч. Здесь и живу. А тебе как фамилия? Чего будешь делать?

– Грачев. Доктор Грачев...

– Ну вот, значит, будем знакомы...

* * *

Ровно в восемнадцать ноль-ноль я отправился докладывать Ягунову о выполнении приказа. Я долго блуждал по бесконечным коридорам трехэтажного здания, пока не выяснил, что начальник в кабинете бывшей поликлиники университета.

К кабинету с надписью «Невропатолог» путь мне преградил сухощавый, подвижной брюнет, на вид лет сорока пяти.

Тщательно выбритое лицо, безупречно отглаженная гимнастерка, новый ремень, подчеркнутая выправка – все это придавало ему некоторую щеголеватость.

– Начальника госпиталя? А вы кто?

– Ординатор пятого медицинского отделения Грачев.

– Савицкий, Петр Устинович, – представился брюнет. – Секретарь начальника. Проходите... – Он резко закашлялся.

– Простудились?

– Нет. Пневмоторакс...

У Ягунова сидел комиссар Луканин. Начальник выслушал мой рапорт о прокаливании кроватей, кивнул и неожиданно просто, как-то по-домашнему, произнес:

– Садитесь. Вам полезно послушать наш разговор. Значит, так, Федор Георгиевич, Голубева надо иметь в виду, знаю его. Он мужичонка по-житейски хитроватый, хозяй-

ственный. Такие – все в дом. Что у нас дальше?..

– В первую очередь – кадры, все будет зависеть от людей... – Луканин говорил спокойно, чуть глуховатым голосом, не торопясь, будто прислушиваясь к своим словам. Ягунов, наоборот, говорил быстро, порывисто, короткими фразами, жестикулируя.

Начальник и комиссар решали уравнение со многими неизвестными. Внимательно слушая их, я начал понимать, что значит создать за несколько дней большой госпиталь. Койки, тумбочки, хирургический инструмент, миски, ложки, чашки, котлы, кипяtilьники и сотни разных мелочей. Как все это достать и разместить?

– Да-а, – Ягунов склонился над планом здания. – Госпиталь у нас будет большой. В первом этаже – подсобные службы. Во втором и третьем – раненые. Библиотека нужна. Клуб. Музыкальные инструменты...

– С музыкой подождем, – тихо возразил Луканин. – Начнем с кроватей для раненых...

В дверях появился Савицкий:

– К вам, товарищ комиссар, двое из университета, а секретарь райсовета – к начальнику.

В кабинет вошли мужчина и женщина. Отрекомендовались: секретарь парткома университета Леуский и секретарь комитета комсомола Храпунова, студентка пятого курса истфака. Они обещали сегодня перенести из общежитий сто кроватей.

– Для переноски выделено пятьдесят студентов...

Вошел секретарь исполкома Василеостровского райсовета Кривитский. Он сообщил, что райсовет доставит завтра сто пятьдесят кроватей.

– А нельзя ли, дорогие товарищи, округлить? – спросил Ягунов.

– Двести? – Кривитский задумался. – Округлим!

И опять Савицкий:

– Две женщины. Из университета. Очень просят принять.

Когда женщины приблизились к столу, я понял – одна из них слепая.

– Аспирант географического факультета, – тихо сказала слепая. – Золотницкая Розалия Львовна. Могу быть полезна в госпитале.

– Вы сможете вести лекционную работу для раненых? – спросил Луканин.

– Благодарю!

– А я сестра Золотницкой, – сказала вторая. – И тоже прошу принять на работу. Студентка института иностранных языков. Донор.

– Вы справитесь с обязанностями сестры-хозяйки в приемном покое госпиталя?

Ягунов вопросительно посмотрел на студентку.

– Постараюсь!

Женщин сменил начальник медицинской части. Профессор Долин пространно, неторопливо докладывал, сколько

прибыло врачей и сестер, откуда они, их стаж, специальность...

А Ягунов в это время то говорил по телефону, то перебирал какие-то бумаги на столе. На его лице заметно раздражение многословием начмеда. И он слушал Долина как бы вполуха.

* * *

Наконец Ягунов нажал звонок на столе.

– Мельника ко мне! – буркнул он вошедшему Савицкому.

Через несколько минут на пороге стоял высокий, костистый мужчина.

– Вы меня звали?

– Не звал, а приказал явиться! – уточнил Ягунов. – Как с посудой?

– Бегаю по всему городу!

– Ну и что же?

– Голова кругом идет, – уклончиво ответил Мельник. – Феноменальные трудности! Ведь столько всего надо! Я думаю...

– Потрясающий результат! – прервал Ягунов. Его усы бабочкой вздернулись вверх. – Все?

Мельник молчал.

– Если не ошибаюсь, до войны вы работали фотографом?

– Фоторепортером газеты.

– Это и видно! – вскочил, побагровев, Ягунов. Он был в гневе. Взгляд серых, слегка навывкате глаз сверлил Мельника. Черты округлого лица стали острее, резче. Человек стал совершенно иным. Перевоплощение произошло мгновенно.

– Феноменальные трудности! Слышите, Федор Георгиевич? А? Ну, с чем вы пришли ко мне, товарищ начальник пищеблока? – все более и более раздражался Лгунов. – С фотографией ваших трудностей? Я о них и сам знаю. Я спрашиваю, каков результат вашей работы. А результат – нуль. Колыхание воздуха! И только!

Создавалось впечатление: сейчас начальник пищеблока будет нокаутирован! Но до этого не дошло. Выручил Луканин.

– На централизованное снабжение нам полностью надеяться нельзя, – очень спокойно сказал комиссар. – Город окружен, товарищ Мельник, и госпиталей создается много. На самолетах посуду вряд ли станут доставлять в Ленинград. Вот что, завтра утром все мы отправимся в ближайшие дома. Не сомневаюсь, население нам поможет.

– Обязательно поможет, – согласился сразу же остывший Ягунов.

Обо мне словно забыли, точно меня в кабинете и нет.

В это время дверь широко распахнулась. Вошел высокий и статный мужчина. От его крупной, плечистой фигуры веяло здоровьем и силой. Он был в коричневом кожаном реглане, с одной «шпалой» в петлицах.

– Удачный день! – радостно воскликнул вошедший.

– С добычей, Иван Алексеевич? – восторженно спросил Ягунов.

– Да. Привез две трехтонки кроватей.

– Две трехтонки? – Глаза Ягунова сияли. – Две трехтонки!

Вот здорово!

– Завтра еще обещают... И вот накладная – на базу управления по сбору подарков для армии. Белье, свитера, простыни, обувь, – докладывал пришедший, покачиваясь на широко расставленных ногах с пятки на носок и с носка на пятку.

– Вот это работа! – воскликнул Ягунов.

Иван Алексеевич продолжал рассказывать, какое оборудование, медицинский инструментарий, медикаменты и перевязочный материал будет получен в горздравотделе, Военно-санитарном управлении фронта и других местах.

– Похвально! Прекрасно, друг сердечный! – то и дело восклицал Ягунов.

И опять метаморфоза в облике начальника госпиталя. Взгляд приветливый, весь он как бы излучает добродушие, признательность и уважение.

По тону обращения и жестам можно предположить – Ягунов хорошо знает, кого слушает, с кем имеет дело.

– Ваня! Нажимай, друже! Надо уложиться в пять дней.

– Это не доблесть, – заметил Луканин. – Нам надо опередить время!

– Тем более, – согласился Ягунов.

И только сейчас он вспомнил о моем присутствии.

– Вы, кажется, судовой врач?

– Да.

– Хорошо!

А что хорошо – неизвестно...

* * *

Кабинет мы покинули вместе с Мельником.

– Да, да! – тяжело вздохнул начальник пищеблока. – Пришло времечко!

– Кто это – Иван Алексеевич?

– Зыков. Начальник материального обеспечения госпиталя. До войны был заместителем управляющего Ленинградской конторой Главсахара.

– Вы знаете Ягунова?

– Очень хорошо! Профессор. Гинеколог из соседнего института...

– Характерец!

– О да! Порох! – улыбнулся Мельник. – Но это не страшно. Взорвется – огонь, дым. Потом – ничего. Отходчив...

Во дворе госпиталя нас остановила женщина:

– Помогите мне найти начальника госпиталя. Я председатель месткома университета Топорова. Мы собрали для госпиталя столовую и чайную посуду, ложки.

– Посуда, ложки! – Начальник пищеблока просиял. – Простите, ваше имя-отчество?

– Александра Георгиевна.

– И много собрали, Александра Георгиевна?

– Тарелок, чашек – триста. Ложек – пятьсот.

– Спасибо!

– Есть и аптечная посуда. Возьмете?

– Обязательно, Александра Георгиевна. Пойдемте к начальнику госпиталя...

Я поднялся на третий этаж, где разместилось пятое медицинское отделение. В коридоре встретился с мужчиной в штатском. Высокий, худощавый, в пенсне, он был похож на земского врача.

– Простите, вы не знаете, где начальник отделения? – спросил он меня.

– Не знаю. Вы по какому вопросу?

– Назначен политруком отделения. Скридулий Константин Григорьевич.

– Вам следует обратиться к Долину, он на первом этаже.

Скридулий направился к Долину, а я заглянул в одну из палат, на двери которой висела табличка: «Кабинет истории нового времени». Там застал начальника отделения хирурга Валентину Николаевну Горохову.

– Здесь будет командирская палата, – торопливо сказала она. – Нужны еще койки. Пойду искать Зыкова...

Оставшись один, я сразу почувствовал страшную усталость. Лег на койку, подложив под голову противогаз.

Но заснуть не удалось. Из коридора доносились шумные

голоса:

– Надя! Неси горячую воду!

– Евгения Степановна, где мыло?

– Да не так надо мыть, маменькины дочки! Ты с какого факультета?

– С философского.

– Спиноза! Смотри! Смотри, как моют полы!

Выйдя в коридор, я наткнулся на женщину в синем халате с засученными рукавами.

– К кому обратиться? – энергично подступила она ко мне. – В моей бригаде не хватает тряпок.

Я провел бригадиршу к Зыкову. По дороге она представилась: Евгения Степановна Колпакчи, профессор Ленинградского университета.

Зыков выслушал Евгению Степановну и написал на листке блокнота: «Тов. Голубеву С. И. Выдайте тряпок профессору Колпакчи».

* * *

Выйдя от Зыкова, я вспомнил предложение комиссара – обратиться завтра к населению ближайших домов с просьбой помочь госпиталю посудой и бельем. «А что, если пойти сегодня, сейчас?» Доложил об этом Ягунову. Получил разрешение.

Минут через десять, миновав мост, я уже был в домовой

конторе на Мытнинской набережной. В комнате, пропитанной табачным дымом, за столом сидели три женщины.

– Сколько надо белья и посуды? – спросила одна из них. Она оказалась управдомом.

– Чем больше, тем лучше!

Управдом взяла лист бумаги и размашисто написала: «Михайлова Л. П. Пять глубоких тарелок, пять мелких. Пять столовых и чайных ложек. Пять стаканов». Потом подумала и добавила: «Две простыни, две подушки, две наволочки».

Подписавшись, передала список соседке по столу:

– Продолжай, Дарья Васильевна.

Та придвинула к себе список. Прибавилось еще пол-дюжины глубоких тарелок, столько же вилок и ножей. Сидящая женщина поправила синий кашемировый платок, повязанный по-монашески, и спросила меня:

– Алюминиевую посуду берете?

– Еще лучше фаянсовой!

– Стулья понадобятся?

– Очень!

– Тумбочка есть у меня. Только старенькая...

– Спасибо. Все пригодится!

Дарья Васильевна подписалась. Округло и наклонно, как пишут школьники: «Д. В. Петрова».

Лист обошел всех женщин.

– Вот и начало, – просмотрела список Михайлова. – Когда это нужно?

– Дорог каждый час.

От обхода квартир женщины меня отстранили.

– Сами сделаем лучше.

– Спасибо!

– А санитарки вам требуются? – спросила Дарья Васильевна.

– Конечно.

– Я бы пошла. Да ведь не возьмут...

– Почему?

– Годы не те: к шестому десятку...

– Да вы еще хоть куда!

– Я в Мечниковской работала, – пояснила Петрова. – Кому писать заявление?

Я ответил.

– Ягунову! – радостно воскликнула Дарья Васильевна. – Алексеичу! Знаю! Серьезный профессор...

Прежде чем вернуться в госпиталь, решил заглянуть на теплоход «Андрей Жданов». Он стоял у Дворцового моста – рукой подать.

Темнота осенняя. Где-то далеко полыхает багровое зарево пожара. В небе блуждают лучи прожекторов.

– Стой! Кто идет?

Конус света, вырвавшись из темноты, ослепил лицо, скользнул по шинели.

– Предъявите документы!..

Свет карманного фонарика уткнулся в пропуск.

– Где пожар? – спросил я.

– Отсюда не видно...

На теплоходе меня встретил старший штурман Константин Владимирович Коваленко. Он рассказал о трагическом переходе судов из Таллинна в конце августа. На борту «Андрея Жданова» находилось восемьсот шестьдесят тяжелораненых.

В пути на этот плавучий госпиталь напали одиннадцать немецких самолетов. Благодаря искусным маневрам командира теплоход избежал прямых попаданий. От осколков бомб судно получило тридцать восемь пробоин в корпус. Два матроса погибли. Раненые были доставлены в Ленинград.

В настоящее время ждановцы перевозят в Ленинград раненых из Кронштадта, куда их морским путем эвакуируют из Прибалтики и с отдаленных морских баз. С побережья – от Урицка до Петергофа – гитлеровцы просматривают корабельный фарватер, бьют прямой наводкой. Каждый рейс теплохода в Кронштадт и обратно может стать последним. Но Константин Владимирович вспоминает об этих рейсах как о чем-то заурядном...

– Вот так, – говорит мне Коваленко, прощаясь у трапа.

Сказано лишь два слова. Но каждый из нас понимает подтекст этих, казалось бы, пустых слов...

На другой день в госпиталь пришло много женщин с узлами, корзинками, мешками, чемоданами. Они несли простыни, наволочки, подушки, одеяла, носки, рубашки. Вилки, ножи, тарелки, стаканы, чашки...

Сдав все это, женщины уходили и вновь возвращались со стульями, тумбочками, табуретками.

Одна старушка принесла даже медный самовар, начищенный до ослепительного блеска. Самовар принимать отказывались.

– Да что вы, родимые! – настаивала старушка. – Чай-то будет вкуснее. Не то что на примусе! Не самовар, а голубь! Поставишь на стол – воркует! Возьмите, сделайте милость!

Просьбу уважили.

Народ шел весь день. Оказывается, начальник госпиталя, комиссар и начальник пищеблока рано утром побывали во многих домах и просили помочь новому госпиталю.

Среди женщин я увидел свою вчерашнюю знакомую – Дарью Васильевну Петрову.

– Ну как? Подали заявление?

– Да. Принял. В пятое отделение.

– Значит, вместе будем работать...

– Все обошлось хорошо! – хвалилась Петрова, не обращая внимания на мою реплику. – Это потому, что, как толь-

ко увидела профессора Ягунова, сразу в ноги ему посмотрела. Верная примета! – судачила Дарья Васильевна.

А вечером в госпитале снова появился Кривитский. На машинах доставлено двести кроватей. Округлил!

– И еще мы привезем мороженицы. Сорок штук, – добавил Кривитский. – На резиновом ходу.

– Мороженицы? – Ягунов вопросительно посмотрел на секретаря райсовета.

– По-моему, в них можно развозить пищу в палаты. Коридоры-то у вас длинные.

– А ведь это идея, Федор Георгиевич! – обрадовался Ягунов. – Сейчас же вызову Мельника и задам ему хорошую баню!

– За что? – спросил Луканин, прислушиваясь к военной сводке советского Информбюро.

– Не додумался до морожениц!

– А нам такое пришло в голову?

В радиопередаче наступила пауза. Голос диктора как бы осекся.

– Внимание! Внимание! – слышалось из репродуктора.

Началась очередная воздушная тревога. В этот день их было одиннадцать!

* * *

Наше здание – это бывший Гостиный двор, построенный в

начале прошлого века. Огромный четырехугольный корпус, как и полагается Гостиному двору, опоясан открытой сводчатой галереей.

Перед войной помимо истфака здесь размещались географический, философский, экономический факультеты университета и поликлиника. И вот в таком огромном здании надо было развернуть большой эвакуационный госпиталь. В пять дней! Казалось, это выходит за пределы реальных возможностей.

Все работали круглосуточно. Днем и ночью. Сон накоротке, еда на скорую руку. Время отсчитывалось по числу прокаленных кроватей, вымытых полов, стен, окон (а их – триста пятьдесят три), оборудованных палат, перевязочных и операционных.

Пятое медицинское отделение, куда я назначен ординатором, – это пока что широкий, длинный и просторный коридор, по сторонам которого аудитории и учебные кабинеты.

Врачи нашего отделения разместились в будущей ординаторской, на двери которой надпись: «Кабинет Древнего Египта».

Поставили носилки и поздно вечером стали располагаться кто как мог. Нас было шесть человек.

– Куда же запропастилась Надежда Алексеевна? – беспокоилась начальник отделения Горохова.

– Она у Долина, – ответил политрук Скридулий.

– Странный человек наш начмед, – заметила, укладыва-

ясь на носилки, Надежда Никитична Наумченко. – Прихожу к нему, докладываю, что назначена в госпиталь. Он спрашивает: «А почему у вас руки трясутся?» Говорю: «По дороге под обстрел попала». А он мне: «Пустяки! Это у вас утрированный оборонительный рефлекс страха, который нужно научиться подавлять. Так и знайте, что страх порождает эгоцентрическое поведение». И прочел мне чуть ли не лекцию об условных и безусловных рефлексах...

– Что здесь удивительного? – отозвалась старший ординатор Кувшинова. – Ведь профессор Долин – физиолог, ученик самого Павлова.

– Ничего, Надежда Никитична, научимся и страх подавлять, – сказал Скридулий.

В ординаторскую вбежала взволнованная Надежда Алексеевна Введенская.

– Горюшко горькое! – схватилась она за голову. – Ягунов назначил меня врачом по питанию. Ну что я понимаю в этом деле?..

Легли вздремнуть. Под голову – противогаз, вместо одеяла – шинель. Но спать почти не пришлось. Несколько раз ночную тишину нарушали сирены и выстрелы зениток. Вражеская авиация пыталась прорваться в город.

На третий день, когда уже были оборудованы почти все медицинские отделения, начался массированный – артиллерийский обстрел района. Позади госпиталя, в Тифлисском переулке, разорвался снаряд. С надсадным звоном полетели

стекла окон. Пыль от штукатурки толстым слоем оседала на полу, на койках.

Почти сразу же меня вызвал Ягунов:

– Вы судовой врач?

– Так точно.

– Народ в пароходстве знаете?

– Конечно!

– Достаньте в Лесном порту фанеры.

– Надо поговорить...

– Разговаривать некогда. Фанера нужна!

– Слушаюсь!

– Получите командировочное удостоверение. И – одна нога здесь, другая там!

Отправился по назначению.

Вот и Ленинградский порт. Совсем недавно здесь возле пароходов суетились скромные труженики-буксиры, к причалам тянулись железнодорожные составы. Крики неугомонных чаек, шум землечерпалок и грохот лебедек сливались с короткими свистками буксиров, маневрирующих паровозов, с мелкой дробью пневматических молотков.

Сейчас порт замер, притих. У причалов – закамуфлированные пароходы. Поникли железные аисты – ажурные портальные краны, как бы стыдясь своего бездействия.

Склады закрыты. В Гутуевском Ковше стоит красавец турбоэлектроход «Балтика». До войны он ходил в Лондон. Мне было известно, что при эвакуации из Таллинна турбо-

электроход доставил в Ленинград две тысячи четыреста раненых.

В Морском канале – знакомые военные корабли Краснознаменного Балтийского флота. Порт стал их огневым рубежом.

Мне налево – в Лесной порт. Вдруг грохнул разрыв снаряда. Второй... Третий... На Южной дамбе порта взметнулись столбы дыма. С кораблей сразу ответили. Наши корабли ведут огонь главным калибром.

Пришлось переждать в здании портового элеватора. Здесь узнаю: в ночь на 12 сентября на территорию порта сброшено много фугасных и более двух тысяч зажигательных бомб. Вспыхнул огромный пожар. Полыхали склады порта, институт инженеров водного транспорта...

Возвращаясь в госпиталь с нарядом на фанеру, зашел домой. На улице Союза печатников, где я жил до войны, – баррикады из железа, бетона и камня. В квартире, кроме пожилой соседки Веры Матвеевны Нипоркиной, никого нет.

– А вы почему не эвакуировались?

– Мне и здесь дел много. Была на оборонных работах. Дежурю на крыше... Помогаю строить пулеметное гнездо...

Хотелось скорее сообщить в госпиталь, что наряд на фанеру получен, пусть пришлют грузовик к моему дому, и я сразу поеду за фанерой. Но телефон оказался выключен.

– До конца войны, – сказала Вера Матвеевна...

Окна госпиталя залатаны фанерой. Осталось немного и про запас. Щедро дали фанеры в Лесном порту.

Вечером в этот день личный состав госпиталя был вызван в главную аудиторию, бывший лекторий для студентов, – самое большое помещение в центральной части здания.

На большой черной доске здесь еще сохранилась надпись: «Сбор всех добровольцев во дворе».

В этой аудитории, расположенной амфитеатром, собрались и опытные, квалифицированные хирурги, и врачи всех специальностей. Они мало что знали о специфике военно-медицинской службы, военно-полевой хирургии, о работе во фронтовом госпитале.

Собрание открыл Ягунов. Он сразу же напомнил основное положение Н. И. Пирогова: война – «травматическая эпидемия».

Ни одна страна в мирное время не может иметь столько хирургов, сколько нужно для войны, тем более для такой чудовищной, какой является современная. Самой жестокой и тяжелой. Значит, мы должны учиться, и быстро учиться в процессе работы.

Ягунов подчеркнул, что все мы пришли из разных больниц, клиник, институтов, сторонниками различных школ и направлений своих шефов, со своим опытом, установками

и традициями. Но всех объединял один принцип: лечение больных на месте, от поступления и до выздоровления. Это отвечало потребностям мирного времени. Однако теперь от такой практики мы вынуждены отказаться.

– Я обращаю ваше внимание на мои слова – лечение на месте. Так было. А в чем заключается хирургия военного времени? В преемственной последовательности. От переднего края войск и до фронтового госпиталя раненые и больные проходят ряд медицинских учреждений. Каждое из них принимает раненых «на себя». Выясняет характер и тяжесть ранения и оказывает лишь ту помощь, которая необходима сейчас же, которая диктуется боевой обстановкой. А потом – направление «от себя», дальше, на следующий этап. Более точно: этапное лечение с эвакуацией по назначению.

Задача нашего фронтового госпиталя – лечить легкораненых до полного восстановления боеспособности, а тяжело-раненых – до транспортабельности, с последующей эвакуацией для лечения в глубокий тыл. Такова схема, разумеется, в кратких чертах.

Потом Ягунов сообщил, что уже подготовлено десять медицинских отделений. Штат пока укомплектован для шести, и завтра мы должны начать работу.

– Слов нет, нам будет трудно! – громко сказал Лгунов. – Могут возникнуть много неожиданных трудностей. Ведь отсюда до врага – двенадцать километров... В этих условиях, как никогда, требуются дисциплина, самообладание!

Лгунов говорил повелительно, короткими фразами. Ходил перед столом то в одну, то в другую сторону, как вахтенный штурман на мостике. На поворотах останавливался, словно заканчивая свою мысль.

Это был разговор прямой, убедительный, правдивый. С каждым, как бы один на один, и со всеми вместе.

Он сразу подкупил аудиторию. Интонации Ягунова возникали мгновенно. Фразы, мимика, улыбка сопровождались выразительными жестами.

– Я был на фронте. В Первую мировую войну. И был ранен. Знаю – тяжело солдату, когда у него разорвано тело.

Позади слышу тихие реплики:

– Кажется, нам повезло с начальником!

– Он знает, о чем говорит...

– И кому говорит...

* * *

После Ягунова выступил начальник медицинской части профессор Долин. Он не спеша поднялся на кафедру, скрипя коричневыми крагами. В очках, в сером спортивном костюме.

Привычным профессорским жестом обхватил края кафедры. Выдержав паузу, изложил ближайшие неотложные задачи и степень готовности нового госпиталя: на втором этаже оборудованы большая сортировочно-перевязочная на

девять столов, рентгеновский кабинет, комната для проявления снимков.

Оперировать хирурги будут в двух операционных. Готовая и гипсовальная. Здесь во время приема будет происходить внутригоспитальная сортировка раненых на медицинские отделения, в зависимости от характера ранения и уточнения диагноза.

Довольно скоро начмед отправился в «дальнее плавание». Последовательный ученик академика И. П. Павлова, он увлекся доказательством тезиса, что «физиология и медицина неотделимы» и что «физиология является законным советчиком во многих областях медицины».

– Опасаюсь, как бы наука не заслонила практики в работе госпиталя, – шепнул мой сосед, начальник девятого медицинского отделения хирург Коптев.

Я кивнул головой.

А Долин говорил и говорил. Ягунов постучал карандашом по графину с водой.

В ответ профессор показал два пальца – «две минуты». Жест ораторов, так хорошо знакомый и давно надоевший на совещаниях и конференциях, когда выступающие мучительно не могут «закруглиться».

Последним очень кратко выступил Луканин. Внимательно всматриваясь в аудиторию, комиссар сказал, что учеба – дело наживное. При желании можно много сделать. Надежный залог успеха в лечении будет зависеть от того, на-

сколько каждый врач проникнется высокой мерой личной ответственности, своим гражданским долгом в стремлении помочь раненым.

Обращаясь к медицинским сестрам и санитаркам, Луканин сказал, что их отношение к раненым, уход за ними после операций имеют в некоторых случаях решающее значение.

– Плохой уход, товарищи, может загубить бойца, свести на нет всю огромную работу врачей. А теперь наберитесь сил, отдохните! – закончил комиссар. – Политрукам медицинских отделений явиться ко мне!

Итак, госпиталь создан. На день раньше положенного срока.

Комиссар был прав – опередили время.

– Кто бы мог подумать? Это просто чудо! – восхищались многие врачи.

Никакого чуда, конечно, не было. Народ пришел на помощь. Рабочие заводов, домохозяйки, учащиеся школ, студенты и преподаватели университета, депутаты районного исполкома, райком партии. Организовать госпиталь помогали свыше двухсот человек.

Первые раненные

«Принять раненых!» – такой приказ был получен утром 17 сентября из фронтового эвакопункта. На фронте – кровопролитные бои.

К госпиталю одна за другой подходят санитарные машины.

Кровь... Стоны...

Первая история болезни. Командир роты 463-го стрелкового полка лейтенант Николай Федорович Белянкин. Тридцать восемь лет. Осколочное ранение правой поясничной области.

Заполняю историю болезни очередного раненого. На носилках краснофлотец Максим Александрович Кожевников. Боец морской пехоты. Голова забинтована по самые брови. Белизна повязки резко оттеняет бронзовый загар лица.

– Не найдется ли курева, товарищ военврач? – спросил Кожевников.

Я вынул портсигар. Раненый осторожно, двумя пальцами, взял «беломорину».

– Где вас поцарапало?

– С Пулковских высот мы...

– Ну, как там?

– Тяжело... Но устояли, будут помнить! Вот отремонтируемся, еще добавим!

– Доктор, – говорит сосед Кожевникова, – Максим – мой корешок. С одного корабля. Просим поместить нас в одну палату.

Раненые, раненые, раненые...

– Ау вас что? – спрашиваю бойца с забинтованной головой.

– У меня – пустяки.

«Пустяки» – ранение в нижнюю челюсть...

На носилках лежит солдат. Он молчит. Не произносит ни одного слова.

– Кто вы?

Раненый только шевелит губами. Беспомощный, ничего не выражающий мутный взгляд. Он не слышит и не говорит. Целы руки, ноги. Но тяжелая контузия. Теперь он – глухой и немой.

Ему дают лист бумаги с вопросом: «Ваша фамилия?» Контуженый с большим трудом выводит карандашом частокол из палочек. Он разучился писать.

Заполняю историю болезни еще одного раненого. Поначалу он показался мне подростком. Измученное, бледное лицо, окровавленная повязка на шее. Глаза – молящие о помощи. Взгляд такой, что просто сердце разрывается. Но это не подросток, а девушка. Каротина Мария Федоровна. Двадцать три года. Медицинская сестра Кронштадтского морского госпиталя. Пострадала при бомбежке госпиталя.

Каротину немедленно несут в операционную, к профес-

сору Бушу, у нее осколочное ранение, проникающее в пищу-вод...

Что означало для нас – принять раненого?

Из приемного покоя на носилках на второй этаж – три лестничных марша. Туда и обратно – шестьдесят шесть ступенек. А на третий этаж? Еще больше! Потом, по длинному коридору, сто метров – в сортировочно-перевязочную. Прodelав раз тридцать без передышки такой маршрут, носильщи-ки обессилели. На смену штатным санитарам пришли ра-ботники всех отделов и служб госпиталя. Потом явились по-литруки во главе с комиссаром Луканиным. Их сменили па-латные медицинские сестры, санитарки, врачи.

А раненые все прибывали и прибывали.

Увидев около госпиталя много санитарных машин, на по-мощь устремились студенты и служащие университета. С но-силками им приходилось иметь дело впервые.

Я работал в паре с помощником начальника продоволь-ственного отдела Всеволодом Ангеловичем Сулимо-Самуй-ло, художником по профессии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.